

ЖЕНЩИНА
ПАЛАТЫ
МЕР К
РЕСОВ

АЛЕКСЕЙ СЯХАРОВ

18+

Алексей Сухаров

Женщина Палаты Мер и Весов

«Автор»

2026

Сухаров А.

Женщина Палаты Мер и Весов / А. Сухаров — «Автор», 2026

Остросоциально-комедийная пьеса с захватом заложников. Секта поедателей голов, обслуживающая глубоководный ужас. Сатирический лог выжившего в астероидной кремации. Персонификация аутовоспалительного заболевания на полях разборок полубогов и трикстеров. Множество как будто банальных, бытовых зарисовок и масса, по выражению самого автора, абсурдной эротики – все это, и даже больше, вы найдете в этом насыщенном, полистилистическом сборнике рассказов самых разных форм и размеров. Имитируя что угодно, от магического реализма до работы бортового компьютера, нашпиговывая страницы всевозможными отсылками, автор производит текст, как насмешку, текст, как провокацию, текст, как перформанс – доходя до той степени, что местами это и в самом деле начинает напоминать нормальную, человеческую литературу.

© Сухаров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ублиет	5
Пароли Панамы	10
Научная фантазия	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Женщина Палаты Мер и Весов

Посвящается всем
<i>Не посвящается никому</i>

Спасибо моей семье, моим друзьям, моим бета-ридерам
<i>а также Дуське, Снежинке, Пушинке и прочим – скучаю</i>

Ублиет

День клонился к беспокойному закату, и усталые пятки молодого Подмастерья спешили, сбиваясь, по острой брусчатке по направлению к жилищу, в скромную, низкую, грязную каморку для ночевки, которую какому-то больному разуму однажды показалось правильным величать “домом” – и все, словно голосуя за введение очередного хамского побора, единодушно подхватили. Подмастерье, голодный, простывший, шмыгал носом и сглатывал, пытаясь одновременно прочистить дыхательные пути и слегка уgomонить сосущий желудок; на ужин его ждали краюха жидкого хлеба и кружка кипятка с чесноком – выпьет, закусит, а утром, глядишь, немного отпустит, и новые двенадцать часов монотонной обработки кожи пролетят чуток повеселее. Надежда – то, что держало Подмастерье на плаву вот уже третий год, все то время, что прошло с тех пор, как он покинул родные края и отправился на обучение, или же, как говорил его отец, “покорять Город”. Город покоряться не хотел, по крайней мере, какому-то Подмастерью, и теперь он, с трудом соображая, что делает, свернул на злополучную Улицу, дабы сократить свой путь и оказаться в холодной кровати на пару минут пораньше.

Улица приобретала свою мрачную репутацию долго и тщательно: лет сто назад это был квартал воров и головорезов, и вот уже целый век окна близлежащих домов на эту Улицу не выходили; затем она служила местом встречи наемных убийц и их заказчиков, ну а в последнее время ее занимали пришлые орды подбирающихся кочевников. Рискнешь проскочить мимо – останешься без последних штанов. Но тут вот какое дело: месяца четыре назад сто сорок седьмой (с момента начала счета, а начали его, как будто, совсем недавно) правитель Города, Фридрих II Рыжий, поручил своей свирепой, бесстыжей братии очистить вверенную ему территорию, включая Улицу, от “Смуглой Скверны” и, что даже удивительно, у него получилось: исчезли баулы, лохмотья и лошади, и только брусчатка в закатном свете выглядела более алой, чем обычно, еще храня память о том, что здесь происходило нечто страшное. Улица стала пустынной, следовательно, наверняка безопасной; но жители Города, обходившие эти места стороной буквально с рождения, не могли заставить себя вдруг отбросить все предрассудки и снова использовать ее по прямому назначению.

А вот Подмастерье рискнул. Простуда только придавала ему решимости: он быстро, лихорадочно шагал, вперившись в одну случайную точку на горизонте, он с силой, как бык, дышал, разбрызгивая содержимое заложенного носа по сторонам и лодыжкам, он понимал, что если кто-то встанет у него на пути с дурными намерениями, нужно будет собрать оставшиеся силы, толкнуть, ударить и броситься наутек; в общем, он *ожидал* столкнуться с *неожиданными*, тем самым, победить.

– Мне так тебя жаль, – раздалось откуда-то сбоку.

... .. Жаль??? Подмастерье чуть не завалился наперед от недоумения. На этой Улице он был готов услышать свист, грубости, оскорбления, требования помочь монеткой, предложения подойти и пообщаться, абсолютно любую подобную фразу, на что он обязательно бы ответил одинаково – побегом – но... жаль? Подмастерье обернулся к звуку и увидел решетку

выбитой в камне бандитской тюрьмы, а по другую сторону решетки – достойно одетого мужчину с участливым, сочувствующим, и потому особенно противным, выражением на мягком, аккуратном лице.

– Это вы мне? – спросил Подмастерье и подошел к решетке поближе, мгновенно отбросив всяческую предосторожность.

Наверное, увидеть одинокого пленника прямо посреди квартала было бы удивительно где угодно, но только не на этой Улице и не в этом Городе. История Улицы говорила сама за себя; конечно, трудно себе представить, что какой-то кочевник оставался незамеченным при Фридриховских чистках так долго, что смог выжить и не умереть от голода, но все же это не исключено; гораздо более вероятен вариант, при котором сиделец – то ли чужой и лазутчик, то ли дезертир, но наш, и он оказался за решеткой не так давно. Этот Город – лакомый кусочек для сотен неугомонных феодалов по всей Европе, и ночные патрули регулярно ловят как вражеских шпионов, так и собственных предателей. Одного такого, вероятно, схватили где-то поблизости да и затолкали в этот каменный карман, чтоб не тащиться назад, а потом благополучно о нем *позабыли*.

– Тебе, а кому же? – разулыбался плененный. – Как же жаль...

Сколько Подмастерье себя помнил, столько Город сотрясали события – впрочем, так было с основания самой первой его стены. Из последнего: воспользовавшись занятостью братии при чистках “Смуглой Скверны”, Фридриха II Рыжего коварно заколол давний союзник-норманн, Эрик LXXVIII – Семьдесят Восьмой, не стоит благодарности. Он установил собственную власть, которая, правда, тоже продержалась недолго: к Городу подобралась орда Безумного Айвана, что преследовал Эрика, своего заклятого врага, от самого Урала. В отчаянной дикарской схватке верх взял Айван, но его, как и было предсказано кудесниками, погубила собственная жадность: караван с отравленными сладостями пропустили за мешочек монет на досмотре, и Айван самостоятельно спустился снять пробу. Таким образом, Городом начал управлять Людвиг XVI Рваное Тело, хитрец, интриган и автор идеи с караваном для Айвана. Казалось, что Людвиг достаточно умен, чтоб удержать престол хотя бы на один сезон, но не тут-то было: Город взял в осаду Ричард IV Английский, Поднебесный, а Людвиг убрали собственные кредиторы. Ричард по-хозяйски уселся на трон, направил псов на прежних советников и направил все ресурсы на устранение дыр в обороне: с Востока прорывались тучи монгольского Хана, с порохом и таранами. Складывалось ощущение, что Город, при желании, может покорить каждый. Ну, кроме самого Подмастерья.

Жаль? Ну, вообще-то да, жаль, подумалось вдруг пареньку. А как же не жаль: голодный, простывший, без денег и без жилья достойного. Все обещают: мастером станешь – тогда заживешь, но когда это будет, неизвестно. Бедный он, бедный, как и его отец, как и его семья... Хотя одна валюта есть – молодость.

– А чо это, жаль-то? Чай, не юродивый, – отвечал Подмастерье в решетку, зачем-то выпрямившись и расправив плечи.

Никто его, Подмастерье, прежде не жалел – вот он и не задумывался.

Простым обывателям до всех этих перестановок во власти не было абсолютно никакого дела. Жизнь лучше не становилась, хуже – уже некуда, а на постоянных конфликтах зарабатывали только летописцы да могильщики. Когда на трон восседал очередной Обреченный, граждане собирали на главной Площади, чтоб поведать о том, кто, на сей раз, ими правит, какие правила вводят и почему теперь все обязательно наладится; даже дети пропускали эти сказочки мимо ушей. Тут же, на Площади, казнили представителей предыдущего властителя: летели с плеч изрыгающие проклятия головы и дергались в петлях не успевшие сбежать ноги, после чего собравшихся отпускали восвояси – до падения Текущего и временного триумфа Следующего. Сюрпризов не происходило: через несколько недель или месяцев народ снова лениво

созывали на Площадь, и для некоторых это стало постоянным местом встречи и даже, в каком-то смысле, доброй традицией.

– Не юродивый, но сам посмотри: без денег, без жилья достойного... угадал? Угадал. На мастера какого-нибудь жадного работаешь, наверное... Угадал? С чем работаешь? С металлом?

– С кожей, – обиженно уточнил Подмастерье.

– Ну, или с кожей, – не расстроился незнакомец. – в дубильне этой душной целыми днями, небось, пашешь, здоровье свое убиваешь, а толку никакого, только обещают, что будет лучше, потерпишь, а потом сам мастером станешь, так? Ну-ну, слушай-слушай, на ус мотай. Ничего этого нет и ничего не будет, ходишь вон, носом шмыгаешь и сглатываешь, ходи, ходи. Одна валюта – молодость, но и она туда, сюда – и обесценилась. А самое-то главное – можешь все исправить, да смелости не хватает. Тюрьма в голове, тюрьма!

В один из домов ниже по Улице со свистом и шумом влетел здоровый камень, запущенный откуда-то с другой стороны городской стены – это монголы калибровали свои могучие катапульты после долгого и тяжелого перехода. Камень попал куда-то в опору, отчего вся конструкция медленно рассыпалась на брусчатку под домом, будто картонная. Пыль облаками разбегалась в стороны и, наконец, достигла места, где стояли, разделенные решеткой, новые знакомцы; простуженный Подмастерье запрокинул голову наверх, чтобы как следует чихнуть, и стоял так с минуту, но даже это – чихнуть – у него не получилось.

– У меня хоть в голове, – отметил разочарованный Подмастерье, вернувшись глазами к обидчику – а ты вон, телом в тюрьме сидишь! За дело, глядишь, усадили!

Ежедневные атаки из осадных орудий и черное от стрел небо – явления в Городе давно привычные, и никто на них, как правило, не обращает никакого внимания.

– Это ты о чем? – непонимающе поинтересовался пленник. – А, черт! Ты что, небось, удумал, что это *меняют* вас закрыли? Вот это хохма, кому ж рассказать, – сиделец заржал, как сытно накормленная лошадь, – да это ж мы, мы, *правильные* люди, от вас отгородились! Это как бы вы от нас в тюрьме, а не наоборот! Вот, смотри, – пленник отошел от решетки, чтоб показать длинный, освещенный горящими факелами коридор и широкую залу – это путь наверх, к свободе. Мы туда сбежали, чтоб ваши дураки, с деньгами своими, неравенством, несправедливостью, до нас не добрались. Мы там, отдельно, живем, не голодаем, не болеем, всем места хватает, все делом заняты. Да и тебя, пожалуй, пристроить могли б... Ну, насмешил, конечно, насмешил. Ты скажи, разве ж я на бандита похож?

– Не похож, – подтвердил Подмастерье.

– Не похож, конечно, потому что нет у нас бандитов. У нас вообще преступности нет. И правителя, как такового, тоже нет. Потому и делить нечего. Все, что есть – все поровну. И тебе будет столько же, равную часть, если хочешь, конечно. Ты только открой тогда эту решетку, и мы по... А, черт!

На развилке перед Улицей показалось тучное тело Пивовара, который, заметив сверстника и сложив пальцы во рту в своеобразную фигуру, приветственно засвистел. Подмастерье с облегчением махнул ему рукой, позвав сюда, ниже по Улице; от диалогов с незнакомцем ему стало немного не по себе, а присутствие товарища, особенно такого грузного, веселого и приятно пахнущего хмельными напитками, могло бы разрядить обстановку.

– А ты чего тут? – спросил Пивовар, добравшись до Подмастерья своей тяжелой, дерганой походкой. – Золотые зубы кочевников ищешь? Так вырвали давно. Здорово, дядь! Не местный что ли? Не встречал ни разу. А я всех знаю, к нам за пивом весь Город захаживает, кроме девственников. А знаешь, почему они не захаживают? Потому что не бывает после пива девственников, АХАХАХАХА!

Мужчина за решеткой улыбался мягко, оценивающе, по-прежнему.

– Чо посадили-то? – поинтересовался Пивовар, проржавшись в одиночку. – Буянил?

– Жизни в тебе много и напору, – вынес свой точный вердикт сиделец. – Вот их бы взять, да в нужное русло...

Пивовар, как и Подмастерье, за гроши батрачил на своего хозяина – самого известного, крупного и благонадежного пивовара в Городе, и был у него на побегушках, так что звали его Пивоваром не столько по роду деятельности, сколько, так сказать, на будущее – о котором он, кстати, раньше тоже особо не задумывался.

– А что с ним не так, с моим руслом? – веселость улетучивалась из Пивовара, как свежий воздух из палаты чумного.

Но сейчас пришлось.

– про пиво он мне загонять будет, щенок, а ты сам-то его пьешь, пиво это, или если поймают, выгребные ямы чистить пойдешь? – с Пивоваром пленник вел себя совершенно иначе, взбудораженно выплевывая правду-матку через прут решетки. – Пиво ему, да хоть бы пены хлебнуть, пока по емкостям не разлили, вот и пиво твое. Про девок он шутит, а ты девок-то хоть щупал когда-нибудь? Или без пива не дают? Лоб здоровенный, а девку даже за титьку не щупал, пень березовый, спаси и сохрани...

Пивовар покраснелся, вспотел и сжимал кулаки, и теперь выглядел почти так же, как простуженный Подмастерье.

– А у нас этого пошла – валом, войска монголоуые, что по Город пришли, утопить можно. Пей сколько влезет, и все задарма. И девок полно, красивые, румяные, как на подбор, я б и сам брал, да женат давно, так что я тебе хоть жену, хоть подружек, хоть бочку пива в придачу, а как пропьешься – так и сам варить начнешь, давай открывай и следом за мной, только ключ достань, отсюда не покажу, слева от меня, СЛЕВА, дурень, не справа, вот туда иди, и вот там видишь, брусчатка чуть цветом отличается, да-да, вот ее приподнять...

Подмастерье и Пивовар встали враскоряку у обозначенного пленником схрона. Переглянулись беспокойно. Надо бы обсудить, что они делают. Хорошо поет сиделец, многое обещает. Вот бы здорово сбежать в такой мир, где все поровну и все правильно, по способностям да потребностям. Но как-то неправдоподобно, хотя освещенный факелами коридор, верно, куда-то все же ведет. Проверить бы, но никак. Может, выпустят сейчас на свободу врага, шпиона, убийцу, сволочь несусветную...

– А, черт!

По Улице семенил своими худенькими ножками Апотекарь – совсем молодой парень, еще подросток, с длинными, по плечи, волосами и поэтическим выражением на лице. Он, двоюродный племянник дяди-лекаря, спешил по его заданию к месту недавнего происшествия, с катапульты и разрушенным домом, чтобы предложить свою – не только не безвозмездную, но еще и втридорога – помощь пострадавшим.

– Кто-нибудь ранен? – спросил он своим тоненьким голоском сначала согнувшихся в три погибели товарищей, а затем и мужчину за решеткой. – Никто?

Пивовар с Подмастерьем пожали плечами, а пленник – пленник вздохнул и понимающе начал...

Прирожденное желание нажиться на беде ближнего своего – еще одна неотъемлемая особенность человеческих отношений среди Горожан.

– и вот они и заваривают, и в хлеб добавляют, и к ссадинам своим прикладывают что? – сиделец, поймав меланхоличное настроение юного Апотекаря, разговорился застольными метафорами – травы сплошь сладкие, а тебе что достается? Лишь одна – полынь горькая. Разве ж это по справедливости? И это дядя твой, а ты представь как, вон, Пивовару, за чужого мужика, за его бабу и его отпрысков спину гнуть? Нет, брат, так не пойдет, всем вместе идти надо. Нашли ключик? Вот и прекрасно. Теперь осталось дважды его проверну... А, черт!

Откуда ни возьмись – еще один зевака...

– Так, молодые люди, – пленник помассировал пальцами виски и обратился к окружавшей его и решетку толпе. На Улице уже стемнело, и факелы позади сидельца придавали ему властный, даже зловещий, вид. – Давайте посчитаемся. Значит, Ключник, Маэстро, Приезжий, Дурак, Пивовар, Апотекарь, Звездочет – на кой хер им Звездочет? – Псарь, Переписчик и ты, Подмастерье. Всех назвал? Ну, наконец-то. Открывайте решетку, прячьте ключик обратно. Хорошо. Проходите вперед, до залы. Да-да, туда, а я пока все тут как следует проверю, чтоб непрошеные гости не нашли, не зашли. . .

Подмастерье, замыкавший колонну, все осматривал и ощупывал стены тюрьмы, коридора, затем и залы, и, сморкаясь, ежилась то ли от болезненного озноба, то ли от надвигающегося, почти могильного холода. Один бы он в этот коридор, может, и не сунулся, но тут сначала Пивовар, потом Апотекарь, а дальше как лавиной. . . Эти тусклые огни факелов, их расположение на стенах залы, все это давило на ноющую, забитую соплями голову Подмастерья, и его не покидало странное ощущение опасности – хотя чего бояться, если их много, да и пленник по-прежнему здесь, никуда не сбежал. Подмастерье всмотрелся в огонь, и воспаленные глаза его заслезились. *Like a moth to a flame*, вспомнилось ему вдруг, и тут Подмастерье поймал себя на мысли, что где-то он о таких местечках уже слышал. . .

– Ублиет!¹ – крикнул он во все больное горло, чтоб предупредить товарищей, и, вырвав себе волосы от внезапной, запоздалой догадки, бросился в коридор обратно – но поздно. Пленник уже дернул за рычаг, и десять молодых мужчин, как щепки, посыпались на дно подземной каменной темницы.

Спустя несколько дней сиделец, более известный своим талантом в криминальном подполье Города как шулер и мошенник Уорвик, вел переговоры с прибывшими с Юга работниками и закреплял вином предложенные ему условия.

– У-у-у-блиет!² – еще долго раздавалось из подземной каменной кутузки нестройным, разноголосым хором. . .

¹ Ублиет – подземная тюрьма-ловушка в средневековых замках, по форме напоминающая колодец, с целью содержания или убийства пленников.

² Нечто совершенно иное.

Пароли Панамы

Татьяне Васильевне не привыкать сохранять спокойствие в атмосфере полнейшего хаоса: она работает учительницей младших классов. Хаос, в ее понимании – естественная среда обитания. Вот и сейчас она совсем не теряется, громко и четко раздавая указания в потоке панической эвакуации сотрудников банка.

Т а т ь я н а (*склонившись над клавиатурой и вбивая символы*). Отключить камеры!

М а ш е н ь к а. Pwf%A0U&_xFk^IfYRdTh1

Т а т ь я н а. Прекрасно! А теперь следующий! Деактивировать защитные турели!

М а ш е н ь к а. 4z+#xU€F; }\$*8s\qßI\$tilLY]

Т а т ь я н а. Умница какая, Машенька!

Пока что все идет по плану, и Татьяна не может не нарадоваться ответственности своих юных учеников. Без малейших ошибок, пятерки с плюсом. Молодые люди и девушки в стандартных, бьющих по глазам цветах банка сбегают от Татьяны и ее выводка через главный вход. Двоих охранников, правда, приходится эвакуировать на носилках: училка прострелила ноги наиболее сопротивляющимся. Повсюду – шум и гам, будто бы на большой перемене с походом в столовую.

Т а т ь я н а (*приказывая хорошо подстриженному, худенькому мальчику, когда последний сотрудник покинул порог корпоративной могилы и оказался в бережных руках представителей власти*). Слава! Заблокировать двери!

С в я т о с л а в . 3:!5,vK/EffWsl∞7SØ&RdK

Т а т ь я н а. Вот и Славенько!

Татьяна выглядит настроенной, уверенной и готовой. Убранные в хвост волосы. Четыре обоймы в карманах жакета. На поясе – респираторы из кабинета ОБЖ.

Т а т ь я н а. А сейчас – откроем хранилище!

С в я т о с л а в . *9!DN8M2¥+zYwâw>(aNN<3

Огромные засовы пуленепробиваемой механической двери приятно расползаются в стороны.

Никто из родителей поначалу не понял, почему это вдруг их классная руководительница, Татьяна Васильевна Ермакова, вместо простеньких стихотворений задает второклашкам наизусть заучивать длинные и сложные комбинации из цифр, букв и даже странных, исключительно редко используемых, машинописных знаков. Потребовали ответа в школьном чате. Татьяна Васильевна оправдалась тем, что это упражнение она почерпнула на недавних курсах повышения квалификации. По заверениям ученых, озабоченных написанием научных работ по педагогике, это здорово развивает память детишек, а еще обязательно пригодится чуть позже, при освоении компьютерной грамотности, высшей математики и информационных технологий. Прозвучало убедительно. Но теперь, когда операторский беспилотник во всех подробностях освещал захват крупнейшего в городе банка с применением десятка восьмилеток, а также умудрился вывести на экран изображение решительного, искаженного злобой лица Татьяны Васильевны, командующей с пистолетом в руке, вопрос в головах родителей настойчиво запульсировал заново. Раз так под сто сорок в минуту.

У терминала службы безопасности пищит компактное, продолговатое устройство. Татьяна, смазав пересохшие губы гигиеничкой, тянется к устройству и снимает трубку. На связи – командир отряда быстрого реагирования, полковник Кондратьев.

К о н д р а т ь е в (*пытаясь психологически надавить*). Милочка, ну что же вы так? Да подняли бы вам зарплату в сентябре, зачем было...

Т а т ь я н а (*твердо, не поддаваясь на провокации*). Делай все, как я скажу, и никто не пострадает. Я заберу лишь столько, сколько твое начальство разворачивает ежечасно. От тебя мне нужен вертолет. Посади его через пятнадцать минут на крышу этого зда... Ой!

Миниатюрный дрон с шоковым зарядом на борту просачивается сквозь систему вентиляции и, переняв повадки самоотверженных японских летчиков, отчаянно спешит прямо к терминалу с расположенной у него захватчицей. Татьяна отпрыгивает в сторону, падает на спину, как может плотно сжимает пистолет двумя руками и прицеливается в виляющую перед ней смертельную игрушку. Выстрелы один за одним бьют в корпус дрона, и он, получив наконец критические повреждения, шатается как пьяный, влетает в угол на другом конце вестибюля и загорается. П е т ь к а, полноватый и розовощекий хорошист, снимает со стены огнетушитель и заливает еще искрящуюся машинку пеной.

Т а т ь я н а (*обращаясь к зрителю*). Не зря их так на пожарную безопасность науськивают. (*Спустя мгновение бросается к рации и орет в нее нечеловеческим голосом.*) Что ж ты делаешь-то, кусок ты дерьма! (*Срывает рацию с док-станции; второклашки возбужденно переглядываются и шушукуются.*) Ты глазенками своими поросычьими не видишь, что я не шучу? Тебе два раза объяснять надо? Вертолет! Крыша! Пятнадцать минут! Все понял? Или мне повторить на ком-то из этих детей? Мне повторить??

Полковник Кондратьев морщится от собственного провала и берет минуту на размышление. Сегодня он не в духе и совсем не выспался. Ему хочется поскорее все закончить, съесть тарелку борща и лечь под бок к жене. Но – бляха муха – затянулось.

К о н д р а т ь е в (*хлебнув кофе из бумажного стаканчика*). Хорошо, будет тебе вертолет. Выпускай заложников по одному.

Т а т ь я н а. Сначала приземли птичку – тогда и обсудим.

К о н д р а т ь е в (*продолжая поддавливать*). А я где-то краем уха слышал, что учителя, вообще-то, детей любят.

Т а т ь я н а (*перезаряжая ствол*). Бывает и такое.

К о н д р а т ь е в (*умоляя, но недостаточно искренне*). Отпусти хотя бы одного, чтобы мы могли быть уверены в твоих намерениях!

Т а т ь я н а (*в сторону*). Хрена с два, парламентар. Они мне еще пригодятся. (*Грозно отдавая приказ*). Миша! Разблокируй вход!

М и ш а. si&ty©9≠(KJ87зпΣ_`M132'

Двери банка послушно расступаются. Несколько **Б о й ц о в О т р я д** быстрого реагирования, в броне от макушки до пяток, аккуратно заходят внутрь и мелко наступают на кафель.

К о н д р а т ь е в (*удовлетворенно хрюкая*). Контаааааакт.

Училка подзывает к себе тоненькую, светловолосую девочку с бантом.

Т а т ь я н а. Давай, Алиночка, теперь твоя роль. (*Поправляя девочке бант.*) Как мы с тобою учили...

Алиночка сбрасывает с себя аккуратные туфельки и, оставшись только в белоснежных носочках, мягко прыгает, будто играя в классики, по направлению к выходу и бойцам отряда, стараясь не наступать на осколки разбитого дрона и лужицы пролитой крови. Татьяна Васильевна, воспользовавшись моментом, оббегает терминал и проскальзывает к стойке администратора, к своему новому временному укрытию. Как только Алиночка оказывается совсем рядом со стойкой, Татьяна приставляет пистолет к ее виску. Отрепетировано неоднократно. Разыграно – как по нотам.

Взятая на мушку А л и н о ч к а кричит как можно громче и страшнее для обывателей.

К о н д р а т ь е в (*имитируя китайскую речь*). Су-ка.

А л и н о ч к а. Не подходите ко мне!

Б о й ц ы О т р я д анелепо семят обратно.

Т а т ь я н а (*бесшумно ухмыляясь за стойкой*). Прекрасно, Алина! Продолжай по тексту.

А л и н о ч к а (*отыскав заплаканными глазами операторский беспилотник*). Дяденьки, делайте все, что говорит вам наша учительница. Потому что если вы этого не сделаете, она нас всех застрелит!

Т а т ь я н а (*умиляясь*). Ох! Талант!

А еще никто из родителей поначалу не понял, почему это вдруг их классная руководительница принялась разучивать на дополнительных занятиях сценки, где от школьников требовалась убедительная актерская игра из позиции жертвы. *Волк и ягненок*, например. Татьяна Васильевна и здесь отвертелась – что поделать, говорит, программа театрального кружка такая, программе нужно следовать. Но теперь, увидев результат работы педагога в рамках экстренного телевизионного включения, они где-то в глубине души осознали, что программа-то действительно хорошая. Особенно игре Алиночки поверили ее родители и очень, очень сильно испугались. Но на секунду – в прямом эфире все-таки! – даже возгордились.

Т а т ь я н а (*сидючи за укрытием и держа Алиночку на прицеле*). Ты, полковник, то ли дурак, то ли в школе плохо учился. Я же говорю, здесь мы играем только по моим правилам. Самодеятельность возбраняется. Понятно ли тебе?

К о н д р а т ь е в (*через паузу, нервно закуривая*). Я тебя понял, милочка. Хочешь своей наглостью остаться в истории?

Т а т ь я н а (*подмигивая зрителю*). Государства Российского.

К о н д р а т ь е в. Даже не думай, не останешься. Забудут через неделю. Погибнешь зря!

Где-то на крышах соседних зданий уже притаился снайпер, беспокоится Татьяна Васильевна. Если она задержится здесь слишком долго, то он найдет удачный коридор и одним нажатием крючка вынесет ей истерзанные продленками, площадками и фотоотчетами учительские мозги. На случай, если будет целить не в голову, а в грудь, Татьяна, еще перед выходом на дело, подсунула под кофту толстенный классный журнал десятилетней давности, доверху нашпигованный двойками тогдашнего выпускника началки Семенова Вовки. Этот талмуд ни один выстрел не возьмет, уверяет себя учителька.

Т а т ь я н а. Ты же не против, полковник, если мои ребята займутся своими делами, пока мы тут болтаем? (*Отбрасывает в сторону заранее приготовленную сумку со множеством сумок поменьше.*) Такие непоседы...

К о н д р а т ь е в (*скрипя зубами, сжимающими тлеющую папиросу*). Черт бы тебя побрал!

Т а т ь я н а (*стрейфя за укрытием на случай атаки снайпера*). Петя, за клавиатуру! Алина, диктуй пароль от лифта!

А л и н о ч к а.+:ox*]A~Z:dÆBPöX0{_№49.

Грузовой лифт, предназначенный специально для транспортировки золотого запаса, спускается на цокольный этаж и приглашает внутрь сигнальным воем. Второклашки шумно и весело, совершенно позабыв, что они заложники, несутся в хранилище, набивают сумки долларовыми пачками и тащат их, полные бабла, в пасть мигающего красным грузового лифта.

Т а т ь я н а. Побольше, чем твоя квартальная премия, а, полковник?

К о н д р а т ь е в. (*издает непередаваемые на бумаге звуки зависти*).

С в я т о с л а в и К и р я, пользуясь случаем, запихивают несколько пачек себе за пазуху – вдруг прокатит.

Обращаться с оружием Татьяну научил ее отец, в далеком раннем детстве – и вообще, он активно прививал своей дочери самостоятельность. Вот так держать, вот так целиться, вот так стрелять. Все поняла? Вот и иди, самостоятельно выбивай себе игрушки в тирах где-то на окраинах Анапы, а мне некогда. Так что самостоятельность-то привил, тут не поспоришь. Но от нее же, самостоятельности, Татьяна в итоге и пострадала. Уже за сорок, скоро к пятьдесят, всю жизнь на одной работе, без мужа, собственных детей и перспектив на оных. Только вот эти, оболтусы, поколение альфа, рожденные как будто прямоком из гаджетов. И скромный, не

соответствующий ценности и тяготе работы, ежемесячный доход. Скука, бедность, старость, медленно съезжающий чердак. Обычное дело в учительской сфере.

К о н д р а т ь е в (*получив сигнал*). Вертолет на месте. (*Учитиво, будто оказывая услугу дворецкого*.) Когда пожалуете?

Одна из сумок в лифте эффектно лопаается от денег, будто встряхнутая банка газировки.

Т а т ь я н а (*выпуская из виду Алиночку, ретируясь к лифту и хватая за шкурку Мишу и Петьку*). Самое время. Через минуту забирай остальных.

Грузовой лифт с Т а т ь я н о й, М и ш е й, П е т ь к о й и двумя дюжинами сумок устремляется вверх. Татьяна, с высоты нескольких этажей, слышит, как в банк врывается группа быстрого реагирования и профессионально зачищает территорию. Первыми под раздачу попадают **С в я т о с л а в и К и р я**. Не прокатило.

Но там, где другая бы смирилась, Татьяна Васильевна нашла возможность – пожить под старость лет для себя. Первым делом она откопала в даркнете базу паролей крупнейшего в городе банка и выгрузила ее за внушительную сумму. Опасалась, что попала на удочку мошенников, либо же торгашей устаревшими данными, так что был только один способ узнать – но ведь сработало! Пистолет собирала долго, через 3D-принтер. Раз в неделю Татьяна приносила схемы целой кучи деталек, только одна из которых необходимая, якобы для уроков труда – и печатала. Ни единого шанса на подозрение. Даркнет, оружие через 3D-принтер... Она, Татьяна, тетка современная – с детишками же общается.

К о н д р а т ь е в (*вкрадчиво*). Знаешь, а я ведь мог бы отдать приказ на штурм. Просто бойцов пожалел. Отчитывайся потом за каждого...

Т а т ь я н а. Сама забота, полковник.

К о н д р а т ь е в. Но если ты сдашься сейчас и остановишь лифт, то я обещаю, слово офицера, что мы посодействуем, и срок тебе скостят. На двадцатку точно сговоримся. Если повезет, то пятнашку. По условно-досрочному даже на двенадцать рассчитывать можно. А там, глядишь, и амнистия к какому-нибудь юбилею. Что ты на это скажешь?

Т а т ь я н а (*по-молодежному фыркая*). Да я в школе дольше взаперти просидела!

К о н д р а т ь е в (*обиженно*). Это, вообще-то, очень важный разговор.

Т а т ь я н а. В гробу я видела такие разговоры.

С патронами и обоймами оказалось еще интереснее – их Татьяне доставили в пункт выдачи заказов в упаковках из-под шоколадных протеиновых батончиков.

К о н д р а т ь е в. Тогда этим все и закончится, милочка, этим и закончится...

Полковник уныло бродит по разрушенному вестибюлю банка – большую часть повреждений вестибюль получил именно сейчас, от его же подчиненных – и недовольно осматривает место сегодняшнего преступления. Он тыкает пальцем в терминал службы безопасности, заглядывает в развороченное десятком второклассников хранилище и рывкает на бойцов отряда быстрого реагирования, которые, подвесив пацанов за ноги, по-прежнему пытаются выбить из них наворованные доллары. Неприятно признавать, что твоя операция по освобождению заложников с треском провалилась, и ладно бы он продул банде головорезов – так какой-то затюканной одиночке, лохушке школьной! От негодования Кондратьев армейским ботинком пинает залитый пеной дрон, отправляя его в полет куда подальше.

Р а ц и я (*голосом Татьяны*). Мы на крыше. Теперь без шуток, полковник. Если не взбрыкнешь, получишь последних школьников в целости и сохранности. Обеспечь мне пересадку на джет и дозаправки на пути.

К о н д р а т ь е в (*раздраженно*). На пути куда?

Р а ц и я (*коротко*). В Панаму.

В это же самое время на крыше банка Татьяна, заставив пилота поднять руки вверх, наблюдает за тем, как ее мальчики снуют туда-сюда, от лифта к вертолету, с наполненными купюрами сумками. Челночный, гори он в аду, бег, да еще и с отягощениями. Но пацаны справ-

ляются неплохо – лучшие в классе по физкультуре. На лице учительки впервые за весь день – да что там, за последние три четверти! – прорезалась искренняя улыбка. Она все сделала правильно.

Когда Татьяна уже уселась юбкой в вертолет и натягивала на спину парашютный ранец, а запыхавшийся от нагрузки Петька подносил ей последний багаж, на связь снова вышел полковник Кондратьев.

К о н д р а т ь е в. Все равно тебе никуда не уйти. Я собою тебя зенитными снарядами. Истребители подниму! Из-под земли достану, слышишь? Сожгу, утоплю, разорву...

Училка не дослушала его угрозы – взяла и скинула рацию с крыши. Нужно уметь фильтровать негатив.

П е т ь к а (*все еще пытаюсь отдышаться*). Татьяна Васильевна, а где это, Панама?

Т а т ь я н а (*нежно, потрепав второклассника по нерасчесанным, потным волосам и поцеловав его в лобик*). А это тебе завтра на окружайке расскажут.

Научная фантазия

Международная станция “Йокогама” буднично кружилась по орбите Юпитера с чувством выполняемого межпланетного долга. Молодой американец Майкл Броди, выпускник Космической академии Колорадо, сегодня утром попал в ее самое главное и самое уязвимое место – в отсек с бортовым компьютером “BU/KA/KE 2122” – и, убедившись в том, что наконец-то остался один, первым делом схватился ладонью за сильно беспокоящий его пах. Счастливый обладатель отменного здоровья, Майкл чувствовал себя заложником активного, ни на минуту не прекращающегося сперматогенеза: все, о чем он сейчас думал – это секс, и все, чего бы ему хотелось – оплодотворять прекрасных незнакомок. Броди, конечно же, об этом предупреждали, да он и сам прекрасно знал, но кто же мог подумать, что все будет настолько плохо.

Вчера он отчаялся настолько, что запросил сеанс связи с Землей по семейным обстоятельствам – то ли бабушка заболела, то ли кошка рожает – он и сам не помнил, какую именно чушь наплел, и все ради того, чтобы хоть на пять минут уединиться с самим собой. Майкл, не снимая руки с наполненных семенем природных резервуаров, мельком осмотрел множество экранов, датчиков и навигационных устройств. В этот отсек он заглянул впервые: без особых на то распоряжений допуск к бортовому компьютеру “Йокогама” гарантирован только капитану станции – офицеру японской армии старшему лейтенанту Хатимото. “Повезло корытшке, – позавидовал Броди, – может дрончить тут сколько пожелает”. Майкл, немного попрыгав на месте, чтобы, по его собственному убеждению, перераспределить груз, уселся в бежевое кожаное кресло, развернулся к главному монитору и прилегающей к нему клавиатуре, щелкнул по длинной продолговатой кнопке – и тут же почувствовал, как орган в его штанах, подобно прелестному цветочному бутону, пробился сквозь тесноту ткани, поднялся вверх и принялся давать соки. Экран, тем временем, окинул страждущего астронавта ярким, темно-зеленым светом:

REQUESTING DATA CENTER ...

LOADING

001011100010010001001001010010101000100010101010010 01111100000010100100
01010010010101001001001100 001000100010 0111110100101010010100 01010100 0

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.